

Эстетика иконы в работе Евгения Трубецкого: "Умозрения в красках"

Научный руководитель – Меликов Ибрагим Мустафаевич

Али Жанетта Адрисовна

Студент (бакалавр)

Российский государственный социальный университет, Гуманитарный факультет,
Москва, Россия

E-mail: annaliddovskay@gmail.com

«Вопрос о смысле жизни, быть может, никогда не ставился более резко, чем в настоящие дни обнажения мирового зла и бессмыслицы» [1, с. 9]. С этого высказывания начинается свое размышление Е. Трубецкой. Образ борьбы живых организмов подводного мира, разворачивающийся на дне океана, - та символическая картина, в которой автор красочно и образно описывает современные его времени реалии, а также часть той сущности человеческого рода, которая была, есть и вероятно, будет функционировать «в течение серии веков жизнь природы». Эти реалии подразумевают войну, жесткость, беззаконие и человеческие страдания. Однако надежда есть, на возможность выбора светлого пути указывает автор: «... Если нас возмущает это зрелище, если при виде описанных здесь сцен в аквариуме в нас зарождается чувство нравственной тошноты, это доказывает, что в человеке есть зачатки другого мира, другого плана бытия» [1, с. 10]. И все-таки, существует призвание человечества, есть то, что есть *вопреки* тому, с чем можно сравнить с происходящим на дне аквариума.

К чему же эти рассуждения о зле и жестокости мира? Неужели в сущности зла и в его утверждении мы можем найти смысл своего существования? Трубецкой отмечает, и вместе с тем, вновь возвращается к поставленному вопросу, что: «Всем этим с необычайной силой ставится вопрос, который всегда был основным для человека, — вопрос о смысле жизни. Сущность его — всегда одна и та же: он не может изменяться в зависимости от тех или других преходящих условий времени. Но он тем определеннее ставится и тем яснее сознается человеком, чем ярче выступают в жизни те злые силы, которые стремятся утвердить в мире кровавый хаос и бессмыслицу» [1, с. 12]. Вопрос: В чем же смысл жизни? Вопрос вечный, неизменный, как отмечает автор. Каждый, вероятно, может дать свой ответ, опираясь на собственные представления и мировоззрение.

В очерке же осуществляется попытка дать этот ответ, опираясь на такую же вечную, как и сам вопрос о смысле жизни, силу искусства. Обращение к древнерусской иконописи в попытке найти решение поставленной проблемы смысла, предложенное нашими предками-творцами религиозной живописи. «... древне-русские иконописцы с поразительной ясностью и силой воплотили в образах и красках то, что наполняло их душу — видение иной жизненной правды и иного смысла мира» - отмечает Трубецкой. В своем очерке он осуществляет осмысление языка религиозных символов, который содержится в иконописных творениях.

Отправной точкой данного размышления выступает утверждение Трубецким концепции храма. Храм понимается им как господствующее начало, объединяющее, воплощающее идею соборности. Эта идея противопоставляется принципу господству зла и хаоса. Таким образом, смысл и идею религиозного искусства, согласно мысли автора, можно рассматривать только в контексте самого храма, но не на конкретном иконописном изображении, отвлеченном от его подлинного предназначения.

По этой причине Трубецкой начинается свое размышление с осмысления религиозно-эстетического значения архитектурных элементов храма. Здесь уже он, например, отмечает, что «наша, отечественная луковица», говоря о специфической форме купола храма,

олицетворяет в себе «идею глубокого молитвенного горения к небесам, через которое наш земной мир становится причастным потустороннему богатству». В таком архитектурном исполнении, завершении самого строения храма, автор находит определенное эстетическое впечатление, возникающее от восприятия архитектурного решения. «Сущность этого религиозно-эстетического переживания прекрасно передается народным выражением — «жаром горят» — в применении к церковным главам» [1, с. 17].

Далее Трубецкой поясняет суть превратного понимания русской иконы как «темной», восприятия ее как непримечательной и непонятной: «... Он просто-напросто не отличал иконы от густо покрывавшей ее копоти старины. Только в самые последние годы у нас открылись глаза на необычайную красоту и яркость красок, скрывавшихся под этой копотью. Только теперь, благодаря изумительным успехам современной техники очистки, мы увидели эти краски отдаленных веков, и миф о «темной иконе» разлетелся окончательно» [1, с. 21]. И в этом «потемнении» иконы автор находит некий символизм, который олицетворяет равнодушное отношение человека к образам и смыслам духовной живописи, а, вероятно, и к своей собственной жизни.

Трубецкой формулирует идею «радости», которую возвещает икона, вопреки односложному представлению ее идейного содержания, которое предполагало лишь идею «аскетизма». Здесь встает проблема: как связать аскетизм с яркими красками? Автору представляется, что именно в этой таинственной загадке совмещения скорби и радости кроется исток понимания самого смысла человеческого существования, которое воплотилось в древне-русской иконописи. При этом, Трубецкой поясняет невозможность устранения аскетизма из русской иконы, отмечая, однако, что икона в своем идейном содержании на этом аскетизме не ограничивается: «... ведь нет Пасхи без Страстной седмицы и к радости всеобщего воскресения нельзя пройти мимо животворящего креста Господня. Поэтому в нашей иконописи мотивы радостные и скорбные, аскетические, совершенно одинаково необходимы» [1, с. 22].

Какие же душевные настроения передают иконы? Скорбь о грешном роде человеческом, обо всех страданиях и насилии, которое человечество совершает - то, что икона содержит в себе, с одной стороны. Но, кроме того, в ней - «пламенная надежда» или «успокоение в Боге», как отмечает автор. Так, например, мы можем разглядеть «власть духа над телом» в изображениях тех, кто приближен к Божественному. В изображениях подвижных, напротив, олицетворяются те, кто ближе к жизни на земле и дальше от Бога.

Таким образом, обращаясь к древне-русскому религиозному искусству, Трубецкой пытается сформулировать ответ на вопрос о смысле человеческого существования, о смысле предназначения человека и о том, к чему ему стоит стремиться. Именно в иконописи, на его взгляд, обнаруживается «беспредельная скорбь существования», отзывающаяся в наших душах, если они к этому отклику будут открыты. А, как представляется, самое главное, что разрешение этой экзистенциальной проблемы, человеческой трагедии, сохранится и рождается в искусстве. Сила искусства позволяет человеку преодолеть эту скорбь, а кроме того, она имеет власть в самих образах искусства показать этот переход от скорби к радости, к духовному подъему.

Источники и литература

- 1) Трубецкой Е. Три очерка о русской иконе. Умозрение в красках. М.: УМКА-ПРЕСС., Париж, 1965.